

Брендану и Аннабель

τὸ ἀργύριον αὐτοῦ οὐκ ἔδωκεν ἐπὶ τόκῳ

CONQUISTADORES

A New History of Spanish Discovery and Conquest

Fernando Cervantes

ALLEN LANE
an imprint of
PENGUIN BOOKS

ФЕРНАНДО СЕРВАНТЕС

Конкистадоры

НОВАЯ ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ
И ЗАВОЕВАНИЯ АМЕРИКИ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2024

УДК 94(7/8)"14/16"
ББК 63.3(0)511-69
С32

Переводчик АЛЕКСАНДР СВИСТУНОВ
Научный редактор АНДРЕЙ КОФМАН
Редактор ПЕТР ФАВОРОВ

Сервантес Ф.

С32 Конкистадоры: Новая история открытия и завоевания Америки / Фернандо Сервантес ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 482 с. + 16 с. вкл.

ISBN 978-5-00139-918-6

За несколько десятилетий после первой экспедиции Колумба в 1492 году Испания поставила под свой контроль территорию десятка современных государств Америки и покорила две самые могучие цивилизации континента — империи ацтеков и инков. Эрнан Кортес, Франсиско Писарро и другие конкистадоры прочно вошли в историю как образчики высокомерия к чужим культурам, безудержной алчности и часто иррациональной жестокости. Всего такого в их действиях было немало, но двигало этими первыми настоящими европейскими колонизаторами не только это. Они были носителями средневековой культуры рыцарских романов, имели сложные представления о правах, подданстве и пределах королевской власти и не смогли бы одержать свои победы без энергичной поддержки многих туземцев.

Мексиканский историк Фернандо Сервантес, сам прямой потомок одного из конкистадоров, поставил своей целью разглядеть этот реальный контекст за штампами и мифами об испанской колонизации. Анализируя дневники, письма, хроники и первые в истории правозащитные трактаты, он постарался отделить факты от саморекламы, желания оклеветать конкурентов и многовековых усилий иностранных — прежде всего голландских и английских — авторов представить испанцев в максимально невыгодном свете. Эта книга и заставляет задуматься о том, как пишется история, и проливает совершенно новый свет на события, превратившие личную унию небольших европейских монархий в одну из величайших империй всех времен.

УДК 94(7/8)"14/16"
ББК 63.3(0)511-69

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-00139-918-6 (рус.)
ISBN 978-0-241-24214-8 (англ.)

© Fernando Cervantes, 2020
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

Содержание

Вступление	7
------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Открытия, 1492–1511 гг.

Глава 1. Море-океан.....	14
Глава 2. Адмирал.....	37
Глава 3. Эспаньола	69
Глава 4. Вопрос справедливости	84

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Завоевания, 1510–1533 гг.

Глава 5. Куба	109
Глава 6. Имперские планы	121
Глава 7. Манящий Китай	137
Глава 8. Теночтитлан.....	168
Глава 9. Поражение и победа.....	185
Глава 10. Мечта великого канцлера	208
Глава 11. Мир нищенствующих монахов	219
Глава 12. Пряности и золото.....	244
Глава 13. Кахамарка.....	268

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Разочарования, 1533–1542 гг.

Глава 14. Куско.....	293
Глава 15. Манко Инка	313
Глава 16. Конец эпохи	334
Переоценка	366

Благодарности.....	377
Примечания	379
Библиография	441
Список карт.....	463
Список иллюстраций.....	464
Предметно-именной указатель.....	466

Вступление

«Ты целый мир соединить и справить смогла в себе»*. Этими словами поэт эпохи Возрождения Фернандо де Эррера обращался к своей родной Севилье в середине XVI в.¹ С блестящей краткостью эта фраза выражала изменения беспрецедентных масштабов: всего за несколько десятилетий андалузский город на окраине Европы превратился, по сути, в столицу величайшей империи, которую когда-либо видел мир. Под властью Карла V из династии Габсбургов эта империя соединяла средневековый христианский мир и лежащий на другом краю Атлантики американский Новый Свет. Нам хорошо знакома история, лежащая в основе резкого взлета Севильи. В 1492 г. эксцентричный генуэзский моряк по имени Христофор Колумб, надеясь пересечь Атлантический океан и тем самым достичь Индии, наткнулся на несколько островов в Карибском море. За этим последовала череда новых экспедиций, завершившихся блестящим завоеванием двух грозных цивилизаций: ацтеков Мексики, покоренных Эрнаном Кортесом в 1521 г., и инков Перу, побежденных Франсиско Писарро примерно десятилетием позднее. Побеждая, убивая и подчиняя местных жителей от имени императора из дома Габсбургов и самого Бога, оба они называли себя «конкистадорами».

Эти огромные новоприобретенные территории уже вскоре несли на себе следы пребывания энергичных и часто алчных поселенцев. Мужские и женские монастыри; соборы, церкви и кладбища; дворцы, особняки и торговые предприятия, соединенные сетью дорог, — все это через короткий промежуток времени стало определять местный ландшафт. Преобразования прошли быстро, в огромном — с точки зрения

* Перевод В. Е. Резниченко. — Здесь и далее примечания редактора.

туземцев, часто травмирующем — масштабе и с непоколебимой величественностью, не оставлявшей сомнений в том, что захватчики планировали жить и править тут вечно. Термин «конкистадор» вскоре приобрел устойчивый смысл: на протяжении веков он был частью сознания информированной публики. Как сформулировал в свое время Томас Маколей, «каждый школьник знает, кто посадил в тюрьму Монтесуму и кто задушил Атауальпу»². Пропитанную духом своего времени фразу Маколея сегодня невозможно повторять без мучительной неловкости. В школьном курсе истории давно нет представления об испанских конкистадорах как о блистательных искателях приключений: их куда чаще рассматривают как беспощадных переселенцев, виновных в жестоком геноциде мирных цивилизаций, ставшем первым грандиозным опытом колониализма раннего Нового времени — постыдного эпизода, который должен вызывать чувство глубокого отвращения у любого европейца.

Тем не менее то осуждение, с которым мы смотрим на конкистадоров, часто гораздо больше говорит о нашем собственном чувстве стыда за разрушительные последствия экспансии европейских государств для мира и его природы, чем о людях, запустивших эти процессы, даже не подозревая, к чему они в итоге приведут. Поэтому есть риск, что понятное чувство отвращения скрывает от нас те аспекты позднесредневековой религиозной культуры, которые лежали в основе представлений и деяний конкистадоров. Мы можем легко позабыть, что эти люди вызывали всеобщее восхищение своих современников, особенно англичан, которые рассказывали о деяниях Кортеса и Писарро с нескрываемым уважением и одобрением³. Каким бы мимолетным ни было это восхищение, оно отчасти сохранялось в различных формах и даже укрепилось в XIX в., когда находившиеся под влиянием романтизма путешественники часто оказывались очарованными причудливым и экзотическим миром, который приветствовал их, когда они пересекали Пиренеи. «Что за страна для путешественника! В любом постоялом дворе приключений не меньше, чем в зачарованном замке, любая трапеза едва ли не колдовство!»* — восклицал Вашингтон Ирвинг⁴. Нечто подобное оставалось правдой даже в 1949 г., когда знаменитый автор травелогов Патрик Ли Фермор ухватился за предложение принять участие в работе над новым циклом о путешественниках и исследователях: в письме Эдварду Шеклтону — сыну исследователя Антарктики — Фермор предложил в качестве идеи для публикации биографию пылкого товарища

* Перевод В. С. Муравьева.

Кортеса Педро де Альварадо, сформулировав эту тему в терминах, которые недвусмысленно напоминают о текстах Уильяма Прескотта⁵. «История Альварадо настолько захватывает дух, — писал Фермор, — что ее практически невозможно рассказать скучно». Более того, «в ней, надо признать, есть удивительная драматическая завершенность!»⁶

В наши дни от такого восхищенного и чуждого критике энтузиазма почти ничего не осталось — и это явно к лучшему. Однако наше собственное восприятие конкистадоров оказалось сплетено с поразительно стойким мифом, согласно которому в истории Испании нет ничего, кроме жестоких деяний во имя политической реакции и религиозного фанатизма. Истоки этого мифа следует искать в разнообразных откликах на стремительный взлет державы испанских Габсбургов в XVI в. Поскольку это явление совпало с быстрым распространением печатного дела, неудивительно, что испанские Габсбурги стали первыми жертвами пропагандистов. Эта тенденция достигла апогея в 1581 г., когда была опубликована «Апология» (*Apologie*) Вильгельма Молчаливого, принца Оранского, — искусная филиппика, благодаря которой лидер анти-испанского восстания в Нидерландах надеялся заручиться поддержкой своего дела, выставя все испанское в самом мрачном свете. Его личным исчадием ада был сын и наследник Карла V, Филипп II, преступления которого, как утверждалось в тексте, включали всё: от двуличия и прелюбодеяния до инцеста и убийства собственных жены и сына⁷. И, конечно же, в центре этих обвинений всегда находились конкистадоры: Вильгельм лично тщательно отобрал избобличающие описания зверств конкистадоров, которые испанские «защитники индейцев» неустанно воспроизводили с конкретной целью — шокировать кастильские власти и заставить их пойти на реформы. Главной в череде подобных публикаций была имевшая сенсационный успех полемическая работа Бартоломе де Лас Касаса «Кратчайшая реляция о разрушении Индий» (*Brevísima relación de la destrucción de las Indias*), которой было суждено захватить воображение европейцев на долгие столетия, не в последнюю очередь благодаря наглядности, которую гарантировали яркие гравюры работы Теодора де Бри. Но если в основе этого искаженного образа лежала антигабсбургская пропаганда, то его живучесть объяснялась, и это еще более важно, отсутствием реакции на него в самой Испании. Ибо к тому времени, когда антигабсбургские мифы стали господствовать в массовом сознании, Испания и те, кто стремился защищать ее интересы, оказались все в большей мере одержимы обидным вопросом упадка страны. Проникновенные сочинения так называемых *arbitristas* — самозванных аналитиков недугов испанской монархии

Габсбургов — едва ли могли оказаться адекватным ответом на ставший настолько господствующим негатив⁸.

Нам важно не сводить многогранный и сложно устроенный мир конкистадоров к примитивной карикатуре. Наши воззрения на их многочисленные зверства должны опираться на исторический контекст. Реальность, в которой они существовали, представляла собой не жестокий, отсталый и преисполненный мракобесия и фанатизма миф пропаганды. Это был позднесредневековый мир Крестовых походов, мир, едва покончивший с последними мусульманскими государствами на территории континентальной Европы. Сразу после падения Гранады и изгнания евреев из Испании в 1492 г. европейцы неожиданно столкнулись с новым вызовом, поначалу не столь очевидным, но в конечном итоге неизбежным. Им предстояло решительно перерисовать карту известного им мира, чтобы приспособиться к новой реальности, в которой их ждал не чаемый стесненными в средствах монархами короткий путь к богатствам «Индий», но огромный и доселе неизвестный континент. Дух собственничества и корысти, порожденный такими обстоятельствами, не следует рассматривать в изоляции от мощного настроя на гуманистические и религиозные реформы, характерного для Испании времен позднего Средневековья⁹. Это был мир, который не видел внутреннего противоречия в попытках устанавливать формы правления, которые держались одновременно на благородстве и алчности. Частые заявления конкистадоров, что они отправились в «Индии», чтобы «послужить Богу и королю, а также разбогатеть», должны, по меткому замечанию Джона Эллиотта, звучать для нас как «обезоруживающая откровенность»¹⁰, а не лицемерная попытка скрыть низменные и аморальные мотивы.

Моя задача при написании этой книги состояла в том, чтобы поместить конкистадоров именно в такой контекст. В ходе этого эксперимента я должен был реконструировать мир, из-за мифов и предрассудков ставший для нас почти таким же чуждым, как мир Америки — для самих конкистадоров. Наше нежелание принимать во внимание это обстоятельство во многом объясняет ту легкость, с которой мы присоединяемся к ставшим столь расхожими обличениям. Однако чаще всего такое отношение коренится в полнейшем незнании религиозной культуры позднесредневековой Европы, которая сформировала и взрастила конкистадоров.

Обратившись к дневникам, письмам, хроникам, биографиям, наставлениям, историям, эпосам, панегирикам и полемическим трактатам, написанным как самими конкистадорами, так и их сторонни-

ками и хулителями, я попытался рассказать знакомую историю так, чтобы она порой раскрывалась с удивительных и неизведанных сторон. Конкистадоры, вполне в духе позднего Средневековья не различавшие для себя веру и славу, а также являвшиеся приверженцами тех форм политической организации, в которых любое разделение светских и духовных вопросов выглядело абсурдом, могут показаться нам безнадежными ретроgrадами. Тем не менее, несмотря на все их неоспоримые недостатки, история конкистадоров может быть адекватно оценена только в том случае, если мы будем открыты и восприимчивы к культуре их мира, который, каким бы чуждым он нам ни казался, был таким же человеческим и столь же подверженным ошибкам, как и наш собственный.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТКРЫТИЯ

1492–1511 гг.

ГЛАВА 1

Море-океан

В холодный январский день 1492 г. где-то по андалузской глубинке медленно ехал на муле несколько эксцентричный мужчина. Высокий, светлоглазый Христофор Колумб — сорока лет от роду — направлялся во францисканский монастырь Санта-Мария-де-ла-Рабида неподалеку от Севильи, с несколькими монахами которого он сдружился. Он только что посетил Гранаду — город, почти восемь столетий находившийся под властью мавров, но 2 января сданный испанским монархам Изабелле I Кастильской и Фердинанду II Арагонскому, которых Колумб как раз надеялся убедить поддержать предложенный им план морского плавания в Индию через Атлантику. К сожалению, после столь знаменательной победы супруги были заняты более насущными делами, поэтому Колумб, изнуренный долгими годами обивания королевских порогов, решил вернуться к друзьям-францисканцам, где его ждал относительный комфорт.

Его путь ко двору Изабеллы и Фердинанда не был ни быстрым, ни прямым. Авантюры, торговля и жажда наживы были у него в крови. Его родная Генуя долгое время являлась одним из самых динамично развивающихся и влиятельных городов-государств Европы, создав обширную сеть центров производства и обмена по всему Восточному и Западному Средиземноморью. В частности, контроль Генуи над морскими путями в районе Пиренейского полуострова и Северной Африки обеспечил ей безоговорочное первенство в растущей торговле между портами Средиземного моря и Атлантического океана. Когда пример-

но пятьюдесятью годами позднее Себастьян Мюнстер опубликовал свою «Космографию» (*Cosmographia*), он знаменитым образом изобразил Генуэзскую республику в виде двуликого, как Янус, и стоящего на двух мирах внушительного мужчины с развитой мускулатурой, держащего пышную виноградную лозу в правой руке и огромный ключ — в левой. Этот образ представлял собой явную попытку совместить средневековую легенду, связывающую название Генуи с именем Януса, или Яноса, ее предполагаемого основателя родом из Трои, и более поздние представления о Генуе как о двери (*ianua* на латыни), ведущей к Геркулевым столбам, то есть к тому самому месту, которое на протяжении веков служило морякам предупреждением, чтобы они не рисковали идти дальше — *non plus ultra*.

Несмотря на внушительный вид фигуры из книги Мюнстера, источник силы генуэзцев, как это ни парадоксально, заключался в их относительной слабости. Генуя не имела ни одной из характеристик, которые мы привыкли ассоциировать с государством, не говоря уже об империи. Генуэзские торговцы процветали благодаря своей гибкости и семейной солидарности. Они охотно искали покровительства иностранных государей, пока это не разрывало узы дружбы и родства с их собственными соотечественниками. Это, конечно, не было отличительной чертой именно генуэзцев, но, как показывает пример современной турецкой Галаты, генуэзцы обладали особенной способностью воспроизводить свой уклад жизни везде, куда бы они ни попали. Это позволяло им легко приспосабливаться не только к разным природным условиям, но и к торговле самыми разными товарами — от рабов с берегов Черного моря, квасцов из Фокеи и зерна с Кипра и дунайских равнин до мастики с Хиоса и пряностей, которые венецианцы поставляли через Александрию и Бейрут.

Это умение приспосабливаться им пригодилось. В 1453 г. генуэзский — и, соответственно, общеевропейский — торговый путь к прибыльным рынкам Азии внезапно оказался перекрыт в результате османского завоевания Константинополя, великого евразийского города на Босфоре. Теперь турки-османы не только представляли военную угрозу для всего христианского мира, но и перерезали ему линии снабжения — «шелковые пути», от которых так зависела генуэзская торговля, поскольку по этим маршрутам возили всё — от сахара и экзотических тканей до квасцов, которые использовались для закрепления текстильных красителей и потому были жизненно важны для европейского суконного производства. Это, в свою очередь, положило конец былому торговому могуществу Кафы, генуэзской колонии в Крыму¹. Генуе при-

шлось искать новые возможности для торговли в других регионах. Вскоре под руководством генуэзских купцов шелк и сахар высокого качества начали производить Сицилия и Алгарве. А королевство Гранада — единственный оставшийся исламский анклав в Испании — стало для генуэзцев особенно привлекательным партнером не только из-за шелка, шафрана, сахара и цитрусовых, которыми оно располагало, но и из-за привилегированного доступа к Магрибу (северо-западу Африки) и столь желанных поставок золота из земель, лежащих к югу от Сахары. Короче говоря, османское завоевание Константинополя заставило купцов и торговцев по всему христианскому миру решительно обратить свой взор на запад. И одними из первых тут были генуэзцы, которые нашли для себя надежную базу в Португалии.

В XV в. Португалия играла роль, которую можно сравнить с тем, что в XII в. значили для мира Генуя и Венеция, а в XVII в. — Амстердам. Когда грандиозный экономический спад, последовавший за поразившей Европу в XIV в. «черной смертью» вынудил Венецию и Геную сосредоточить свои интересы на землевладении и финансах соответственно, Лиссабон остался торговым и портовым центром, связывавшим Средиземное море с Англией и Северной Европой. Великие итальянские купеческие семьи, такие как Барди из Флоренции и Ломеллини из Венеции, соперничали за право иметь штаб-квартиру в Лиссабоне с предпринимателями из Фландрии и Каталонии. Преимущества этого города превратили Португалию в важнейший экономический и морской центр Европы того времени. Она оказалась ключевым союзником Англии в Столетней войне. Блестящим памятником победе англо-португальских сил над Кастилией при Алжубарроте в августе 1385 г. стал построенный ценой огромных усилий великолепный монастырь Санта-Мария-да-Витория в Баталье, примерно на полпути между Лиссабоном и Коимброй. Отличительной чертой монастыря был пышный декор в виде канатов, якорей, кораллов, раковин и волн — яркое визуальное подтверждение того, что Португалия переняла наследие Италии. Вскоре греческие владения Венеции на Хиосе и Крите послужат образцом для Мадейры и Канарских островов. Кроме того, дипломатический союз между Англией и Португалией, закрепленный в Виндзорском договоре 1386 г., со временем обеспечил английским — и особенно бристольским — купцам богатый опыт длительных плаваний и тесные связи со страной, которая была самой обширной морской империей той эпохи².

Начиная с 1420-х гг. королевство Португалия, руководимое принцем Энрике, впоследствии известным как Мореплаватель, организовывало экспедиции вдоль западноафриканского побережья с целью установ-

ления прямой морской торговли золотом, слоновой костью и рабами с королевствами к югу от Сахары. Так можно было более не полагаться на пролежавшие через Сахару караванные маршруты, находившиеся под контролем арабских торговцев³. К концу XV в. португальцы нанесли на карту все западное побережье Африки до мыса Доброй Надежды, по ходу дела колонизировав Мадейру, Азорские острова и острова Зеленого Мыса. Их пример был заразителен. Далеко к северу купцы из английского Бристоля снаряжали атлантические экспедиции. Хотя большая часть их торговли приходилась на Ирландию и Бордо, контакты с Португалией пробудили в них новые интересы. Конечно, они едва ли могли вмешиваться в мореплавательские начинания самой Португалии, но ничто не могло помешать бристольтцам искать собственные «потерянные» земли. Они уже знали об Исландии и Гренландии, с которыми Англия вела широкую торговлю в эпоху викингов. Ранее, в XV в., пока Дания — к тому времени фактически сюзерен Исландии — почти не проявляла интереса к Северной Атлантике, Бристоль восстановил контакты с Исландией, обменивая европейские товары на сушеную треску. Это происходило преимущественно в летние месяцы, когда торговля с Бордо и Португалией, которая в основном касалась вина, оливкового масла и фруктов, была наименее интенсивной. По мере того как росло мореходное мастерство бристольтских купцов, расширялись и их горизонты. Остров Бразил, который, как полагали, располагался где-то к западу от Ирландии, стал предметом множества слухов среди европейских купцов-мореплавателей. О нем упоминали каталонские и итальянские картографы, а баскский хронист Лопе Гарсия де Салазар в 1470 г. не только утверждал, что этот остров и вправду существует, но и называл его местом погребения короля Артура. На дворе стоял XV век во всей своей ошеломляющей сложности, и остров Бразил одновременно представлялся средоточием экспансионистских мечтаний, расчетливых амбиций и прославленных рыцарских легенд, лежащих в основе самовосприятия христианского мира⁴.

Итак, когда молодой Колумб в середине 1470-х гг. перебрался из родной Генуи в португальский портовый город Лиссабон, он пошел по пути, уже проторенному его соотечественниками. Привлеченные перспективой принять участие в исследовании западного побережья Африки, многие генуэзцы начали поступать на португальскую службу, и эта тенденция достигла пика во время правления энергичного короля Жуана II (1481–1495). Именно его огромный энтузиазм в отношении освоения Атлантики часто использовался Колумбом в качестве примера, чтобы устыдить испанских монархов Изабеллу и Фердинанда⁵. Генуэзцем

двигало нечто большее, чем простое желание заработать. Он находился в собственном поиске, и Лиссабон отлично подходил ему в качестве начальной точки маршрута.

К тому моменту Колумб уже был опытным моряком. Он как свои пять пальцев знал Тирренское море — ту часть Средиземного моря, которая ограничивается берегами Прованса и Западной Италии, а также островами Корсика, Сардиния и Сицилия⁶. В Лиссабоне он быстро нашел работу и в рамках сделки с торговой конторой богатейшей генуэзской семьи *Чентурионе* принял участие в плаваниях на Мадейру для закупки сахара. Он также познакомился с проторенными торговыми путями мимо Канарских и Азорских островов⁷. Эти три архипелага, расположенные далеко к западу от материковой части Европы и — в случае Канар — у северо-западного побережья Африки, были частью обширной зоны атлантической торговли. К 1470-м гг. они превратились в отправные пункты для более предприимчивых и амбициозных из моряков, торговцев и путешественников. Сам Колумб утверждал, что в одном из своих плаваний от Бристоля через ирландский Голуэй он зашел за Исландию на «добрую сотню лиг*»; позже он забирался так далеко на юг, что побывал в недавно основанной крепости Сан-Жоржида-Мина на территории современной Ганы, где находился центр португальской торговли золотом в Африке⁸. Для Колумба, как и для многих его товарищей-моряков, Атлантика, или «Море-океан» (*Mar Oceano*), как ее в то время называли, стала предметом одержимости.

Острая нехватка золота в Европе XV в.⁹, которая вынуждала мореплавателей искать поддержки у стесненных в средствах монархов по всему континенту, тесно переплеталась с погоней за чудесами и диковинами. Искатели приключений с восторгом оспаривали расхожие представления при помощи свежих эмпирических данных. Например, португальские экспедиции вдоль Золотого Берега Африки продемонстрировали всю наивность и несостоятельность древних убеждений о предполагаемой непроходимости «жаркого пояса». Колумб явно находился под влиянием подобных рассуждений, и они, возможно, сыграли свою роль в его растущей вере в возможность плавания в Индию через Атлантический океан, хотя у нас и нет никаких доказательств того, что он думал об этом во время пребывания в Португалии. В любом случае интересы короля Жуана II были сосредоточены преимущественно на африканском побережье и идее пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды. Трансатлантический проект Колумба начал обретать более чет-

* Испано-португальская морская лига составляет около 5,5 км.

кие очертания в начале 1480-х гг. К этому времени его главной заботой было содержание сына Диего, родившегося в 1479 г., примерно тогда же, когда Христофор женился на португальской дворянке Филипе Мониш Перештрелу. Это привело его в Андалусию, где он примерно в середине 1480-х гг. оказался в монастыре Ла-Рабида. Там он нашел нечто гораздо более интересное, чем просто место, где его маленький сын мог получить кров и образование, поскольку в то время там жил один из ведущих астрономов и космографов своей эпохи. Этим человеком был монах по имени Антонио де Марчена, которому сразу понравился генуэзский путешественник.

Именно Марчена убедил Колумба в том, что антиподы и амазонки, упомянутые в различных античных источниках, могут существовать в реальности. Он также посоветовал ему прочесть сочинения александрийского астронома II в. н. э. Клавдия Птолемея, который утверждал, что мир представляет собой идеальную сферу, несущую один сплошной массив суши, простирающийся с запада Европы до востока Азии. Колумб, естественно, с энтузиазмом отнесся к этой теории, но упорно не принимал точку зрения Птолемея, что известный мир составляет ровно половину земного шара. Если бы это было так, ни одно существовавшее тогда судно не могло бы пересечь Атлантику. Колумб даже думать об этом не хотел. Его «решение» поражало не только наивностью, но и негибкостью. Во-первых, он отвергал расчеты Птолемея, основываясь на теориях некоего Марина Тирского — человека, сведения о котором, по очаровательной иронии, дошли до нас только потому, что Птолемей не счел за труд опровергнуть его заведомо ошибочные вычисления. Во-вторых, он использовал книгу венецианского путешественника XIII в. Марко Поло, написанную по просьбе знаменитого монгольского хана Хубилая, чтобы доказать, что описания, которые он нашел в тексте венецианца, указывают на расстояния, намного превышающие все, о чем писал Птолемей. Для Колумба все было ясно: Птолемей ошибался, а «Море-океан» было намного меньше, чем предполагали почти все современники.

Писания Марко Поло подпитывали воображение Колумба и в других отношениях. Он буквально глотал встречавшиеся в них экзотические указания на существование тысяч и тысяч островов, лежащих за пределами Азиатского континента, включая «остров Чипунгу» с его «крытым чистым золотом дворцом»*, предположительно лежавший на расстоянии «тысячи пятисот миль» от побережья Китая¹⁰. Комментарии

* Перевод И. П. Минаева.

на полях, обнаруженные в принадлежавшем ему экземпляре книги Поло, дают основания полагать, что Колумба в ней привлекали не столько факты, сколько истории о диковинках и чудесах¹¹. То же самое можно сказать и о таких же подробных комментариях, найденных в его экземпляре «Путешествий сэра Джона Мандевиля» (*The Travels of Sir John Mandeville*). Даже такие работы, как *Ymago Mundi* Пьера д'Альи и *Historia rerum ubique gestarum* Энеа Сильвио Пикколомини (папы Пия II), которые возбуждали в Колумбе более серьезный интерес, были проштудированы им вдоль и поперек на предмет сведений о золоте, серебре, жемчуге, янтаре и «многообразных чудесах» Азии¹². Колумб лелеял грандиозные по масштабам мечты, и центральное место в его устремлениях занимали неисчислимые и баснословные богатства — баснословные, разумеется, до тех пор, пока ведомая им экспедиция не воплотит эти истории в реальность.

Но как в таком случае он мог реализовать собственные амбиции? Такие предприятия были невозможны без поддержки могущественного покровителя. Одних денег было недостаточно. Частная инициатива, финансируемая богатыми спонсорами, моментально потерпит крах, если ее экспедиция обнаружит новую территорию, поскольку у первооткрывателей не будет полномочий, чтобы провозгласить ее своей. Чтобы заявить о праве владения — о том, что в те времена обозначалось словом *dominium*, — и, что не менее важно, защититься от притязаний враждебных иностранных монархов, путешественникам, помимо финансовых средств, требовалась поддержка могущественного суверенного государства. Колумб понимал, что высочайшее покровительство имеет решающее значение.

Потом, спустя годы, он будет утверждать, что выбор Кастилии был предначертан самой судьбой — что это было «чудом», совершенным «несомненной рукой» Бога вопреки конкурирующим предложениям со стороны Португалии, Франции и Англии, также выразивших желание его финансировать¹³. В действительности все было иначе, поскольку нет никаких свидетельств хотя бы какого-то интереса к планам Колумба, не говоря уже о предложениях со стороны всех этих других королевств. Даже в Кастилии, где ему удалось добиться определенного успеха, дела шли удручающе медленно. Действительно, с точки зрения Колумба, у Андалусии был большой потенциал. Его собственные соотечественники селились там в таком множестве, что к концу XV в. более половины севильской знати носили гемузские фамилии¹⁴. Изабелла и Фердинанд не замедлили воспользоваться этим региональным динамизмом. С середины 1470-х гг. они начали выдавать лицензии андалузским капе-

рам, побуждая тех оспаривать прибыльную португальскую монополию на торговлю в Гвинейском заливе. За этим последовал всплеск активности, в ходе которого богатства Канарских островов становились все более и более привлекательной целью. В 1483 г. андалузские каперы, среди которых были особенно заметны генуэзцы из Севильи и Кадиса, захватили остров Гран-Канария. Ла-Пальма и Тенерифе (завоеванные намного позже, в 1493 и 1496 гг. соответственно) могли последовать за ним немедленно, если бы Изабеллу и Фердинанда не отвлекли более насущные дела на материке.

Слава Изабеллы и Фердинанда, основанная на их действительно многочисленных и впечатляющих достижениях, не должна заставлять нас забыть, насколько слабым и шатким было их положение в первые годы правления. Когда в декабре 1474 г. умер Энрике IV Кастильский, на его корону претендовали его дочь Хуана, которую поддерживала Португалия, и его сводная сестра Изабелла. Гражданская война не заставила себя ждать. Четырехлетний конфликт привел к окончательному союзу королевств Арагона и Кастилии. Теперь «Испанией» суждено было стать Кастилии и Арагону, а не Кастилии и Португалии. Когда гражданская война завершилась, Португалия была надежно изолирована, а права Изабеллы и Фердинанда на троны соответственно Кастилии и Арагона более не подлежали сомнению (в 1479 г. Фердинанд унаследовал престол своего отца, Хуана II Арагонского), приоритетом монархов стало укрепление нового, все еще хрупкого союза двух государств как единого целого. Это требовало некоего начинания, которое привело бы к сплочению всего государства под эгидой христианской веры. Поэтому неудивительно, что в 1482 г. Изабелла и Фердинанд отвлеклись от Канарских островов и решили сосредоточиться на войне против Гранады. В случае военного успеха они могли наконец вырвать южное королевство из-под исламского контроля — а ведь монархи могли видеть в мусульманах лишь внутренних врагов и потенциальных союзников неумолимо продвигавшихся вперед турок-османов. Но эта война была сложным и дорогостоящим предприятием, которое полностью поглощало все силы Изабеллы, Фердинанда и большей части кастильской аристократии на протяжении следующих десяти лет.

На деле длительная и дорогостоящая кампания неизмеримо улучшит перспективы Колумба. По итогам гражданской войны Кастилия утратила доступ к золоту, добываемому в районе устья реки Вольты (на территории современной Ганы), которое оставалось под контролем Португалии. Теперь война против Гранады вызвала новую и еще более острую потребность в альтернативных источниках драгоценного металла,

поскольку она повлекла за собой потерю дани, которую монархи традиционно собирали с исламского анклава. На протяжении всех 1480-х гг. Колумб был прекрасно осведомлен об этих благоприятных обстоятельствах и уделял особое внимание тому, чтобы его предложения оставались на слуху. Он следил за ситуацией и в Кастилии, и в Португалии. Он был на короткой ноге с богатыми аристократами, такими как герцог Медина-Сидония или граф Мединасели — оба вложили большие суммы в завоевание Канарских островов и развивающееся там производство сахара. Он изо всех сил набивал себе цену, грозя предложить свой проект другому государству — то Франции, то Англии. В конце весны 1486 г. его стратегия начала приносить плоды. Изабелла и Фердинанд даже предложили покрыть расходы Колумба, в том числе на пребывание при их странствующем дворе. В следующем году он представил свой проект комиссии из отобранных испанскими монархами экспертов под председательством духовника Изабеллы — брата Эрнандо де Талавера из ордена иеронимитов, будущего архиепископа Гранады. Ознакомившись с идеями Колумба, эксперты отнеслись к ним скептически, так что в сентябре 1487 г. поддержка со стороны монархов прекратилась. Теперь у Колумба не было другого выбора, кроме как попытаться удачи в другом месте: в 1488 г. он снова обратил внимание на Португалию, а на следующий год отправил своего младшего брата Бартоломе в Англию и Францию¹⁵.

Нам мало что известно о реальных взглядах членов комиссии, за исключением сообщения Родриго Мальдонадо де Талаверы, который незадолго до того преподавал право в престижном университете Саламанки: «Все согласились с тем, что утверждения адмирала попросту не могли быть истиной»¹⁶. С тех пор сам факт отсутствия показаний непосредственных очевидцев породил большое количество нелепых предположений, среди которых есть абсурдная, но на удивление живучая байка о том, что эксперты полагали, будто мир плоский. Однако широко распространенный образ Колумба того периода как романтического героя, вступившего в неравный и решительный бой с невеждами и злопыхателями, очень далек от того, что рисуют дошедшие до нас свидетельства. Хотя теперь он искал покровительства у других государей, время его пребывания при кастильском дворе не было потрачено зря. На самом деле за эти годы ему удалось заручиться поддержкой влиятельных групп вельмож и финансистов, которые продвигали его интересы при дворе Изабеллы и Фердинанда и в конечном итоге добились своего. Неудивительно, что многие из них были земляками Колумба.

В первую очередь тут следует назвать могущественную генуэзскую партию, которая поддерживала Алонсо де Кинтанилью, ставшего во время завоевания Канарских островов самым влиятельным финансовым советником при дворе Изабеллы и Фердинанда. Также среди них были члены семей Ривароло и Пинелли, которым предстояло сыграть важную роль спонсоров Колумба, и некоторые инвесторы родом не из Генуи, такие как флорентиец Джанотто Берарди. Колумбу удалось снискать расположение и людей из окружения молодого наследника престола принца Хуана. Он добился этого благодаря своей дружбе с наставником принца, доминиканским монахом Диего де Десой, который в конечном итоге станет Великим инквизитором и архиепископом Севильи, а также с няней принца Хуаной Торрес де Авиллой, которая окажется полезным помощником в контактах Колумба с Изабеллой. Еще одна влиятельная придворная группа, с которой он наладил контакт, включала его доброго друга из Ла-Рабиды, монаха Антонио де Марчену, который теперь претендовал на редкую и несколько сомнительную роль человека, искренне поверившего в расчеты Колумба. Другим выходцем из Ла-Рабиды и покровителем генуэзца стал один из близких советников Изабеллы, монах Хуан Перес, чье влияние на королеву позволило Колумбу получить у нее повторную аудиенцию в 1491 г. К этому времени ему также удалось заручиться поддержкой Луиса де Сантанхеля, казначея Арагонской короны, прочно обосновавшегося в Кастилии, — это стало возможным благодаря знакомству Колумба с королевским советником по финансам Алонсо де Кинтанильей. Знакомство с Сантанхелем оказалось исключительно полезным для Колумба: тот составил убедительный проект экспедиции с тщательно проработанными расчетами, что позволило генуэзцу представить монархам финансово жизнеспособный план, который, более того, предполагал в качестве основной цели всего предприятия именно Азию.

Колумб прекрасно понимал, что Изабелла и Фердинанд не испытывали особого энтузиазма в отношении поиска антиподов или каких-нибудь еще не открытых островов, населенных амазонками. Сами по себе поиски новых земель — это отличный план, но в чем действительно нуждались монархи, так это в деньгах, а именно в доступе к прибыльным, богатым золотом и пряностями рынкам Азии. За то время, пока Колумб пытался попасть на аудиенцию к их католическим величествам, он хорошо усвоил, что Фердинанд давно интересовался морскими путями на Восток и что в сознании короля деньги, торговля и Бог были неразрывно связаны. Набожность короля нашла наиболее полное выражение в его стремлении завоевать Иерусалим. Это был не просто

религиозный порыв: арагонский монарх унаследовал законные права на титул короля Иерусалима из-за того, что его дед, Альфонсо V, прозванный Великодушным, в 1443 г. завоевал Неаполь. Учитывая тот факт, что с конца XIII в. Иерусалим считался владением Неаполитанской короны, успех Альфонсо придал новое звучание апокалиптическим пророчествам Арнольда из Виллановы. Этот арагонский эрудит XIII в. предсказал, что королям Арагона суждено завоевать Иерусалим, после чего цепочка событий приведет к созданию всемирной христианской империи, которая подготовит почву для второго пришествия Христа¹⁷.

Источником вдохновения для Арнольда из Виллановы была позднесредневековая хилиастическая традиция, воплощенная в трудах Иоахима Флорского — жившего в XII в. цистерцианского аббата из Калабрии. Иоахимизм, как впоследствии стали называть это движение, оказал глубокое влияние на духовные воззрения раннего францисканства, которые в конце XV в. возродились благодаря усилиям нескольких францисканцев из Ла-Рабиды, ставшими друзьями Колумба. Более того, во время своего пребывания при испанском дворе генуэзец осознал, до какой степени Фердинанд предан идее завоевания Иерусалима. Приближенные провозглашали короля возможным «Последним императором», недвусмысленно отсылая к традиции Крестовых походов. Среди этих приближенных был и придворный композитор Изабеллы Хуан де Анчиета, автор церковного гимна, описывающего видение, в котором папа возлагал венцы на монаршую чету перед Гробом Господним¹⁸. По мере того как набирала обороты война против Гранады, усиливался и этот имперский культ вокруг Фердинанда. К 1485 г., после взятия имевшего большое стратегическое значение города Ронда, считавшегося в течение долгого времени «неприступным»¹⁹, монархи были готовы начать давить на папу, чтобы тот как-то показательно вознаградил их за свершения во имя веры.

И такая награда была дарована папской буллой, датированной 13 декабря 1486 г. В ней папа Иннокентий VIII предоставил Изабелле и Фердинанду пресловутый *patronato real*, «королевский патронат»: привилегию вознаграждать и избирать, что фактически означало право монархов назначать тех, кого они пожелают, на любые крупные церковные должности, учрежденные на всех территориях, которые они завоюют. Это была уникальная привилегия, которую папа никогда бы не даровал, если бы имел хоть какое-то представление о том, что за этим последует. Естественно, Изабелла и Фердинанд без особого стеснения постепенно распространили патронат на все свои владения. Кроме того, многие начали воспринимать их как долгожданных избави-

телей, которым суждено уничтожить всех врагов христианской веры²⁰, поэтому совершенно понятно, почему в конце 1480-х гг. Колумб, все еще не уверенный в поддержке монархов, начал предлагать, чтобы вся прибыль от его предполагаемого путешествия была направлена на завоевание Иерусалима. Именно в свете этого истинно средневекового духа крестовых походов мы и должны воспринимать подготовку к тому, что вскоре станет известно как «индийское предприятие»²¹.

Осенью 1491 г. двор и армия Изабеллы и Фердинанда находились в Санта-Фе, в 10 км к западу от Гранады. Этот аскетичный по духу город с планировкой в виде решетки внутри креста был построен военными по приказу монархов всего за 80 дней. Сегодня над входом в сооруженную в XVI в. церковь Санта-Мария-де-ла-Энкарнасьон находится скульптурное изображение копья с надписью *Ave Maria*. Оно установлено в память об Эрнанде Пересе дель Пульгаре, которого современники прозвали *el de las hazañas* — «мужем доблестных дел». Он знаменитым образом тайно проник в Гранаду за год до ее окончательного падения, чтобы своим кинжалом прибить пергамент с этими словами — *Ave Maria* — на двери главной городской мечети²².

Перес дель Пульгар — лишь один из многих выдающихся героев борьбы за Гранаду. Среди них был и Родриго Понсе де Леон, герцог Кадисский, который в 1482 г. захватил богатый город Альхама и был увековечен современником-хронистом Андресом Бернальдесом как олицетворение рыцарской чести, щедрости и галантности²³. Войны за Гранаду стали предметом крестоносного энтузиазма рыцарей всего Пиренейского полуострова — и не только. Они также подарили пестрой массе жителей Кастилии ощущение общей цели и патриотический дух, которые были столь же впечатляющими, сколь и неожиданными. Итальянский историк Пьетро Мартире д'Ангьера, капеллан при дворе католических монархов, был озадачен таким проявлением единства. «Кто бы мог подумать, — писал он, — что астурийцы, галисийцы, баски и кантабрийцы, люди, привыкшие к жестокости и насилию, а также междоусобицам, которые они затевают под самыми глупыми предлогами» могут прекрасно сосуществовать «не только между собой, но также и с толедцами, и с темпераментными и ревнивыми андалусийцами, живя вместе и в гармонии как члены одной семьи, говоря на одном языке и подчиняясь единой дисциплине?»²⁴

Эта дисциплина особенно бросалась в глаза на заключительных этапах войны, отмеченных методичными и тщательно подготовленными операциями, спланированными с целью покорения гористой местно-

сти. В первую очередь это была осадная война, ключевую роль в которой играли пехота и артиллерия, а не конница. Этот огромный опыт стычек и внезапных атак позволил кастильским солдатам не только развить характерный индивидуалистический стиль ведения военных действий, но и выработать поразительную способность переносить зной и холод — как раз те качества, которые в будущем сделают их столь грозной силой на полях сражений как Европы, так и Нового Света²⁵.

Это ощущение единения и общей цели как нельзя сильнее контрастировало с междоусобной враждой, раздиравшей Гранадское королевство, где правила династия Насридов. Пока Изабелла и Фердинанд уверенно готовили в своей цитадели Санта-Фе последний штурм Гранады, жителей мусульманской твердыни все больше охватывало отчаяние, а с ним и осознание, что почетная капитуляция будет предпочтительнее резни, которую сулило казавшееся уже неизбежным военное поражение. Дурные предчувствия Насридов стали основой для переговоров, которые начались в октябре 1491 г. Уже через месяц стороны согласовали все условия, и 2 января 1492 г. Гранада наконец была сдана, а насридский эмир Боабдиль лично передал Фердинанду ключи от Альгамбры — жест, символическое значение которого было понятно всем.

Невозможно переоценить то воодушевляющее ощущение божественной милости, которое охватило полуостров после завоевания Гранады христианскими войсками. Ставшее кульминацией многовековой борьбы событие пробудило глубокую уверенность в том, что на королевство Кастилия небесами возложена миссия защиты христианского мира от надвигающейся исламской угрозы. Это чувство придало новый импульс стремлению к приключениям и подвигам, воплощенному в рыцарских романах, которые пользовались популярностью при дворе и среди постепенно осваивавшего грамотность населения. Одним из лучших среди них («В рассуждении слога это лучшая книга в мире»*, — писал Мигель де Сервантес²⁶) был сочиненный валенсийским рыцарем Жуанотом Мартурелем роман «Тирант Белый» (*Tirant lo Blanch*), популярность которого оказалась еще большей благодаря недавнему изобретению печатного станка. Опубликованный в 1490 г. «Тирант» стал первым из бесчисленного множества подобных романов, которые будут печататься на протяжении следующего столетия. Ошеломляющая популярность этих произведений указывает на то, что чтение становилось в испанском обществе скорее способом проведения досуга, чем ученым занятием, хотя книги по-прежнему чаще читали вслух.

* Перевод Н. М. Любимова.

Рыцарские романы также представляли собой отражение мира, в котором политические границы были гораздо более проницаемыми, чем мы думаем. В рыцарстве, ставшем наднациональным культурным феноменом, не было ничего локального или ограниченного²⁷. Даже при дворе короля Артура, который служил декорациями для большинства подобных произведений, рыцарство было частью международной придворной культуры. Благодаря норманнам она распространилась из пост-каролингского общества X в., где смысловым центром неупорядоченной политической жизни было не суверенное королевство, а пришедшие ему на смену раздробленные феодальные образования, созданные военными авантюристами и мятежными вассалами. Постепенно герцогства Нормандия, Бургундия, Фландрия, Шампань, Блуа и Анжу стали играть в средневековой Европе роль, сопоставимую с греческими городами-государствами Античности или итальянскими княжествами Ренессанса²⁸. По ходу дела претерпевали постепенные изменения и откровенно нехристианские понятия о чести и мести, которые были отличительной чертой раннефеодального общества. Племенные узы родства и закон кровной мести продолжали играть решающую роль, но новое общество усваивало теперь и чувство более широкой духовной идентичности, выходящей за рамки представлений об общей крови. Рыцарь превратился в сакральную фигуру, в которой преданность сеньору естественным образом находила свое наиболее полное выражение в защите не только вдов и сирот, но и Церкви.

К XV в. рыцарские романы сформировали в обществе новое представление о благородстве. Присущее им уникальное сочетание жестокости, галантности и добродетели стало плодом возникшего в самом сердце средневековой культуры творческого напряжения между светским идеалом благородной любви, с одной стороны, и аскетичными духовными ценностями эпохи Крестовых походов — с другой. Это напряжение нашло прекрасное выражение в дуализме, лежащем в основе произведений таких авторов, как Гальфрид Монмутский и Кретьен де Труа, например в резком контрасте между Ланселотом и Галахадом, между рыцарской одержимостью мирскими страстями, включая прелюбодеяние, и направляемым добродетелью и верой поиском святого Грааля.

Есть немалый соблазн увидеть в этом напряжении неразрешимое противоречие между заботой о благе рода и стремлением к добродетели, между аристократизмом и социальной исключительностью, с одной стороны, и обязанностью отстаивать справедливость посредством защиты бедных, вдов и сирот — с другой²⁹. Но подобный подход был бы грубым анахронизмом. Фактически моральный кодекс, лежащий в основе

рыцарских романов, не видел конфликта между родословной и добродетелью или даже между смирением и величавостью. Эти два качества не только не исключали, но и дополняли друг друга в своем противостоянии порокам гордыни и малодушия. Другими словами, поистине великодушный рыцарь презирал не то, что он считал ниже себя, а, скорее, мелочность в помыслах³⁰. Неудивительно, что в «Кентерберийских рассказах» Чосера женщина, которая убеждает «неблагородного» Мелибея проявить «снисхождение», оказывается не кем иным, как госпожой Разумницей, и этой идее предстояло быть недвусмысленно выраженной и переданной миру эпохи Возрождения среди прочих философогуманистом Джоване Буонаккорсо да Монтеманьо (1391? –1429)³¹.

Эти подробные описания невероятных подвигов благородных героев в экзотических и волшебных странах, населенных чудовищами и наполненных чудесами, давали читателю новое представление о человеческой жизни, в которой и добродетели, и страсти приобретали невиданный доселе масштаб³². Рыцарские романы оказывали сильнейшее влияние на этику и идеи того времени, но также являлись и их отражением, так что те противоречия, которые в наши дни кажутся непреодолимыми, могли быть легко устранены. Сам Колумб вполне в духе той эпохи проявлял озабоченность вопросами происхождения. Где-то между 1477 и 1480 гг. он женился на Филипе Мониш Перештрелу. В социальном отношении это был огромный рывок вперед для сына генуэзского ткача. По материнской линии Филипа происходила из семьи служивших португальской короне видных землевладельцев с хорошей репутацией. Ее отец, Бартоломео Перештрелу, в качестве поощрения получил во владение Порту-Санту близ Мадейры — по правде, всего лишь отдаленный островок, который, однако, стал для Колумба примером того, каких наград можно было удостоиться на королевской службе³³. Блестящим воплощением подобных устремлений был легендарный граф Перо Ниньо, благодаря перу Гутьерре Диеса де Гамеса вошедший в культуру как рыцарь, чьи величайшие битвы состоялись на море и который не ведал поражений ни в любви, ни на войне. Во времена Колумба эта традиция все еще была примером для подражания³⁴. Хотя у нас нет доказательств, что он читал какие-то произведения о рыцарях-мореходах, о деле его жизни, как и об островах, которые он с любовью разместит на своем гербе, едва ли можно рассуждать, не ссылаясь на этот жанр.

Однако по пути назад в Ла-Рабиду Колумб думал о совершенно других проблемах. Неужели все его мечты и амбиции ни к чему не привели? Из всех ходатайств, представленных просителями при дворе Изабеллы и Фердинанда, его собственное должно было выглядеть особен-

но перспективным: после того как пала Гранада, что могло помешать монархам удовлетворить его просьбу? Увы, еще одна комиссия, собранная монархами во время его визита в Гранаду, выступила против. Но тут, почти как в сказке, после целого дня, проведенного Колумбом в седле, его нагнал мчавшийся во весь опор королевский посланник, который приказал ему вернуться в лагерь Изабеллы и Фердинанда в Гранаде. Что-то переменяло их мнение.

Осторожное отношение монархов к планам Колумба было отчасти обусловлено тем, что они осознавали деликатную проблему, которую выявило завоевание Гранады. Хотя теоретически Испания являлась теперь государством, объединенным одной верой, там оставалась очевидная группа нехристиан, чье присутствие в этой новой ситуации выглядело все более неуместным. Когда несколькими столетиями ранее другие европейские государства изгоняли своих евреев — Англия в 1290 г., Франция в 1306-м, — Испания отказалась последовать их примеру. Однако ко второй половине XIV в. совокупные разрушительные последствия «черной смерти» и участия Испании в Столетней войне привели к социальной напряженности, которая вылилась в городах во вспышки насилия. Как обычно, козлами отпущения стали евреи. Проблему усугубляли и численность еврейской общины Испании, на тот момент самой большой в мире³⁵, и сконцентрированность евреев в крупных городских центрах, и их завидный успех в качестве купцов, лавочников, ремесленников, финансистов и врачей³⁶.

Эти факторы помогают объяснить ту стремительность, с которой в 1391 г. по Пиренейскому полуострову прокатился один из самых ужасающих антиеврейских погромов Средневековья. Многие евреи пытались бежать из крупных центров, укрывшись в более мелких городах или в сельской местности, где их мало кто знал. Тем, кто предпочел остаться на месте, зачастую удавалось выжить, только приняв христианство³⁷. С точки зрения христиан, увеличение числа обращений в их веру после 1391 г. было вполне логичным. Все, и особенно члены нищенствующих орденов, были убеждены, что, если вера и разум идут рука об руку, при правильном приложении разума истинность христианства оказывается неоспоримой³⁸. Это и было задачей самого харизматичного проповедника того времени, монаха-доминиканца святого Викентия Феррера, который в 1410-е гг. стал движущей силой обращения в христианство тысяч евреев и мусульман.

Тем не менее беспрецедентное число переходов из одной веры в другую довольно скоро спровоцировало новые, часто даже более трудно-